

Проблема определения идейных истоков зурванизма

Крупник Игорь Леонидович

аспирант

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

djphoenix@mail.ru

Зурванизм относится к числу тех религий, о которых практически ничего нельзя утверждать однозначно. Нам достоверно известно, что это течение рассматривало бога времени и судьбы Зурвана в качестве главы пантеона, что ему приписывалось порождение братьев-антагонистов Ормазда и Ахримана, что наибольшего социально-политического веса зурванизм достиг в эпоху Сасанидской империи. Вот, собственно, и все, что мы можем утверждать о нем с достаточно высокой степенью вероятности.

В ряду белых пятен истории зурванизма, пожалуй, наибольшее количество прений вызывал и продолжает вызывать вопрос о происхождении этого течения и его идейных предпосылках. Анализ историографии данного вопроса показывает, что в решении его ведущими иранистами прошлого столетия было сформулировано две основных позиции. Первая, которую бесспорно можно отнести к шведской школе во главе с Х.С. Нюбергом, рассматривала зурванизм как более древнюю по сравнению с зороастризмом религию, во главе которой мог стоять Зурван (персонаж достаточно архаический), бог, связанный с проблемами смерти, судьбы и времени, порождающий не Ормазда и Ахримана, а священные стихии, например, огонь и воду. В соответствии с этой точкой зрения деятельность пророка Заратуштры необходимо рассматривать как реформу, направленную не только и не столько на протоиндоиранский политеизм, сколько на религию бога Зурвана.

Противоположная позиция заключается в том, что зурванизм – это зороастрийская ересь, зародившаяся в жреческой среде в промежутке между IV в. до н.э. и II-III вв. н.э., основу которой составляют религиозно-философские спекуляции на тему известного близнечного пассажа из Ясны 30. Сторонником этой концепции являлась, в том числе, М. Бойс. Вторая точка зрения, как мы можем судить, оказалась наиболее живучей, и в ее рамках вопрос об идейных предпосылках решался достаточно просто. Специфические черты зурванизма практически безапелляционно объявлялись результатом неизбежных контактов между западными регионами Ирана и Месопотамией.

Действительно, реконструкция зурванитского вероучения являет нам религию, которая, прежде всего в своей этической и антропологической части, столь кардинально отличается от иранского зороастризма, что ее невольно хочется объявить чем-то совершенно чуждым по отношению к иранскому народу и его культуре. Здесь, как нельзя кстати, по близости от Ирана оказывается Междуречье с его таблицами судеб, идеей мирового года, развитой астрономией и астрологией, и вопрос объявляется закрытым.

На наш взгляд, сводить идейные истоки зурванизма только к Месопотамии справедливо лишь до определенной степени, а такая позиция, судя по всему, является данью господствовавшему некогда панавилонизму. Мы полагаем, что решение данной проблемы возможно в гораздо более широком контексте. Заключение в скобки месопотамские влияния, мы задаемся вопросом о том, возможно ли в иранской, а точнее в индоиранской традиции найти некий протозурванитский субстрат, который, по меньшей мере, мог послужить основой для идей, заимствованных впоследствии из Междуречья. Обозначив, таким образом, свою задачу, мы обращаемся к индийской религиозной традиции, сопоставление с которой нередко служило и продолжает служить прояснению тех или иных положений религий иранцев. При этом сразу оговоримся, что мы делаем в этом отношении один из первых шагов и ни в коей мере не претендуем ни на формулировку однозначных выводов, ни на их концептуальное

оформление, поскольку, даже если нам удастся найти в Индии некие параллели к зурванизму, сам по себе факт параллелизма еще не значит равным счетом ничего, кроме того, что эти идеи могли возникнуть локально без дополнительного внешнего влияния. Таким образом, наше сообщение следует рассматривать скорее как прощупывание почвы, после которого (при условии его успешности) можно будет приступить к более обстоятельному исследованию.

Обращаясь к индийской традиции, мы хотели бы сосредоточиться на следующих пунктах.

Во-первых, еще в первой половине XX века исследователями было подчеркнуто принципиальное тождество мифологических циклов об иранском Зурване и индийском Праджапати, который нередко фигурирует в контекстах, соотносящих его так или иначе с хронологической проблематикой. Кроме того, Праджапати, как и Зурван порождает антагонистические силы, предварительно зачав их от самого себя.

Атхарваведа содержит достаточно интересный гимн Времени, содержание которого во многих аспектах пересекается с зурванитским кругом идей, а по степени яркости, пожалуй, даже превосходит знаменитый иранский гимн Времени из Большого Бундахишна и сопоставим с отрывком об испытании Заля из поэмы Шахнаме Фирдоуси.

Наконец, по мнению ряда исследователей, в индийском эпосе (прежде всего, в отдельных частях Махабхараты) обнаруживается специфическое, плохо согласующееся с индуизмом учение о времени (калавада), демонстрирующее единство понятий «время»-«судьба»-«смерть», что достаточно близко к иранскому зурванизму.

Все это, на наш взгляд, может и должно служить расширению контекста идейных предпосылок зурванизма и представляется нам более удовлетворительным, чем объяснение зурванитских идей исключительно через месопотамские влияния.

Основная литература:

1. Лысенко В.Г. *Философия пространства и времени в Индии: школа вайшешика. // Рационалистическая традиция и современность. Индия. М., 1988.*
2. Русанов М. *Тема судьбы в санскритской литературе // ORIENTALIA: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск 4. – М., 2004.*
3. Choksy J.K. *Zurvanism // Encyclopedia of religion, 2nd edition. – 2004.*
4. Duchesne-Guillemin J. *Notes on Zervanism in the Light of Zaehner's Zurvan, with Additional References // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 15, No.2. – Chicago, 1956.*
5. Zaehner R.C. *Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. – NY., 1972.*
6. Zaehner R.C. *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. – London, 1961.*
7. Bianchi U. *Zaman i Ohrmazd: lo zoroastrismo nelle sue origini e nella sua essenza. – Torino, 1958.*